

18+

Галина Константинова

*Перевернутая
чаша.
Рассказы.*

Галина Константинова
Перевернутая чаша. Рассказы

«Издательские решения»

Константинова Г.

Перевернутая чаша. Рассказы / Г. Константинова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930137-6

В книгу вошли повесть и рассказы. «Перевернутая чаша». Глеб Корнаковский — бывший советский журналист, эмигрировавший в Израиль. В небольшом городе он собирается провести несколько встреч с молодежью. В местной редакции он знакомится с девушкой Полиной, которая увлекает его рассказами о некоем братстве...

ISBN 978-5-44-930137-6

© Константинова Г.
© Издательские решения

Содержание

Перевернутая чаша	6
Часть 1	7
Часть 2	10
Часть 3	13
Часть 4	19
Часть 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Перевернутая чаша. Рассказы

Галина Константинова

Дизайнер обложки Евгений Александрович Колпаков

© Галина Константинова, 2019

© Евгений Александрович Колпаков, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-0137-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перевернутая чаша
(антинаучная фантастическая повесть)

Часть 1

Глеб привычно откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Он устал, хотя дорога было тем состоянием, в котором он хотел бы находиться всегда. Но такова доля журналиста – находиться в состоянии движения. Он по-прежнему любил Россию, несмотря на десятилетнюю эмиграцию, внимательно следил за событиями всеми доступными средствами.

Наша родина там, где красивые облака, вспоминал он фразу безродных космополитов, да, верно, но в калейдоскопе мелькающих лиц, городов, пейзажей, шумных аэропортов и вокзалов невидимым крылом птицы чертит знаки мысль об утраченном. Он вспомнил свой отъезд в Израиль. Все происходило на фоне суетливого страха наступления диктатуры. Многие собирались, чуть ли не тайно, даже не перезванивались по телефону. Ему, который специализируется на криминальных темах, в основном коррупцией в правоохранительных органах, мягко намекали, что придётся отныне попрердержать резвое перо. Ничего конкретного, просто намёки. Внезапно он подумал, что каким-то образом все-таки предал Россию – своим страхом. Одновременно и наметился разлад в семье. Поэтому в Бен-Гурион он прилетел один. Но каждый год старался встретиться с повзрослевшей дочкой, благо еврейские организации постоянно его приглашали.

Вот и сейчас он летел в небольшой город, к своим жаждущим его лекций слушателям, и смутные предчувствия новых встреч окутывали теплом. Он знал, что и в глубинке встретит людей, которые не стали массой, скованной рамками провинциальности. К тому же он намеревался убить сразу двух зайцев.

Неспокойные времена на земле обетованной диктовали свои условия. В местной типографии он намеревался заказать тираж своего альманаха, возможно, договориться о долгосрочном сотрудничестве, и найти человека, который будет поддерживать связь между ним и издательством.

И всё-таки нужно немного поспать, подумал он вяло, пытаясь прекратить мыслительный процесс. Собственно, всегда так и происходило – обдумывание в дороге, расслабление, а по вступлении на твердую землю он разворачивался подобно пружине и даже сам удивлялся своей энергии, которая переполняла его.

Раз не спится, посмотреть хотя бы в иллюминаторы. Было раннее утро. Розоватая пелена облаков не давала видеть того, что было внизу. Но иногда происходил обрыв этого воздушного одеяла, и Глеб видел деревеньки и распаханное поля, появляющиеся, словно островки, в зелёно-рыжем море лесов. Окружающие мирно подрёмывали, тихая музыка убаюкивала, подобно прибору, да, все будет просто отлично, успел вставить нужную мысль засыпающему сознанию Корнаковский...

В аэропорту его встретил представитель агентства, Борис Гельман, слегка суетливый невысокий сорокалетний человек, с серыми чуть выпуклыми глазами. Он беспрестанно поправлял очки, и немного, как показалось Корнаковскому, стеснялся своей непрестижной машины.

– Да это ничего, я вас отлично понимаю... Разве это главное, – Глеб блеснул своими болотно-карими глазами, запахивая расстёгнутую было легкую куртку на брюшке. Немного прохладно, автоматически отметил он про себя.

– Гостиница у нас так себе, хотя и считается неплохой... Но мы стремимся...

Сложная штука – провинциальность. Не географическое понятие, а внутренний дискомфорт. Вот и этот Борис, стесняющийся неизвестно чего. Сразу видно, что всю жизнь трудится на благо общества в образовательной сфере, что-то типичное, а уж у меня глаз намётанный, думал Корнаковский, помогая ему запихивать свой издавший виды чемодан в багажник.

Наверное, детишек тянет изо всех сил, жене помогает... Местечковость... Да нет, уж очень я строго. Должны же быть какие-то традиции, не всем же летать с места на место... Они уже сели в машину и поехали. Пока шел унылый пейзаж пригорода.

– ... сначала легкий завтрак, потом знакомство с городом. У нас тут, правда, небогато, но кое-что есть. Вот музей рекомендую...

– Типа ИЗНАКУРНОЖ?

– А? Ну, нет, так бы я не сказал... Все гораздо прозаичнее... И котов, рассказывающих сказки, у нас нет... Ну, сами увидите... Потом обед, а ближе к вечеру лекция ваша. Предупреждаю, много молодёжи. Интересуются. Кстати, вы не подумайте, они у нас очень разносторонние. В Интернете сидят часами, чего только не найдут там. Очень скептические и практичные. Мы были не такими... Ну, да что вспоминать. Вам вот сколько лет?

– Сорок пять.

– Почти ровесники. Я вот гляжу на молодых, и грустно, и забавно на них смотреть. Книг много читают... Но не то, что читали мы.

– Это же естественный процесс. У меня дочка в Петербурге, ей двадцать два, совершенно определившийся внутренне человек. Кто мы были в таком возрасте? Студенты, слушающие подпольно, а потом и открыто, рок. Я вот вовсе маменькиным сыночком рос. Помню, в общежитие к своим зашел однокурсникам, они меня на смех подняли – я совсем не знал каких-то элементарных вещей. А Машка у меня замуж не торопится, карьеру, сначала, говорит, надо сделать. Бойфренды, друзья, тусовки – это только часть жизни. Да, мол, хочется любви долгой, если не вечной, а что делать-то – и кушать хочется, и машину хочется, и путешествовать хочется. Некогда, мол, слушать Петю-студента с его рассказами о светлом будущем...

...Наконец, стали появляться пятиэтажки. Серо, серо, отмечал Корнаковский. Ну что я смогу здесь нового почерпнуть? Остаются только люди. Какая-то зажатость чувствуется в этом Борисе.

– Вы бывали за границей, Борис?

– Э... к сожалению, очень давно, в студенчестве.

– А сейчас что же мешает? У вас ведь полная демократия, никаких железных занавесов.

– Причина, как Вы догадываетесь, весьма банальна. Хочется, чтобы те скромные средства, которые я имею, пошли на пользу моим детям.

– Так я и думал. Извините великодушно... Долго еще ехать?

– Минут двадцать до центра. Вы не смотрите, что мы провинция, у нас все есть.

– Вот привычка... Оправдываться. Да я верю, верю. Я почитал про ваш город. У вас все атрибуты если не центрального города, то довольно крупного. Давайте уже общаться на равных, прошу вас. Чем быстрее мы перестанем обращать внимание на внешние признаки, определяющие наше положение, тем лучше. Я ведь не банкир какой-нибудь, просто журналист. Когда-то, кстати, был довольно перспективным – в России. Был едок и злободневен, а сейчас... Про культуру пишу, да так, что под руку попадет. В основном по стране езжу, тут вот новеллы задумал издать. Кстати, нет ли у вас знакомых в издательстве, не припомню, как называется...

– «Комета». Есть, разумеется. У моей дочки там подруга работает. Вернее, она в местной газете работает, «Губернское слово», такая газета у нас, они там все в одном месте расположены, кадры почти одни и те же.

– А кем эта подруга работает?

– Да журналистка. Очень бойкая девица. Палец в рот не клади. Она рубрику культуры ведёт, так что все тусовки богемные посещает. И мою туда же тянет. Я сначала сопротивлялся, но, в принципе, там люди всё-таки приличные. Нюх у этой Полины... На людей. А вообще она со странностями. Иногда впадет в какую-нибудь идею – и пропагандирует.

– Мне кажется, это довольно интересный человек, во всяком случае, для меня. Я хочу туда попасть завтра, надеюсь, вы предварите мой визит и поспособствуете знакомству, так сказать...

– Да нет проблем. Сотовых телефонов, к сожалению, не имеем, а то можно было прямо сейчас позвонить. Кстати, мы подъезжаем.

Улицы прямые, но грязные. Весна, еще ничего толком не убрано. Глеб знал, что у русского человека все происходит аврально. Мусорили, мусорили всю зиму, а потом весной р-р-раз и махом убрать всю накопившуюся грязь. Он и сам помнил эти субботники, когда чувство гордости переполняло мальчишеское сердце. Вот, мол, кто-то эту грязь развёл, а я бескорыстно её убрал.

Что не мешало кинуть бумажку мимо урны – но на другом участке. Поколение дворников, воспетое БГ, большей частью занималось духовным очищением и самокопанием в тёмных уголках своей души. А что там в этих душах было-то? Он отчётливо припомнил дух питерского андерграунда, дымно-портвейновое философствование, какой-то почти революционный настрой.

Интересно, а сейчас это есть в России? Перемен, хочу перемен, бесконечно хотели перемен. Пришли перемены. Он никак не мог понять, *что* дали эти перемены. Он глядел на пестрящие вывески. Все первые этажи в центре были заняты магазинами. Пожалуй, в рекламе произошли перемены. Никогда раньше провинциальные города не были так разукрашены. Коммунистические лозунги не в счёт. Да нет, вполне элегантно, красиво даже. Город просыпается, машины наполняют улицы подобно трудолюбивым муравьям. Вот она, безликость, все как везде, сколько он ездит по СНГ, по крупным и средним городам, везде одно и то же.

Реклама обезличивает. Она закрывает лица зданий, превращая их в сплошной плакат. Именно зданий, которые могут подчеркнуть индивидуальность. Чем центральная улица отличается от таких же центральных в других городах? Да ничем. Сейчас еще и обертки одинаковые...

В просторном холле гостинице Корнаковский развалился в уютном кресле. Он чертовски устал. Борис засеменял к администратору, чтобы всё уладить. Скорее в душ, смыть себя всю грязь, нетерпеливо думал Глеб, вытирая платком вспотевшую лысину. М-да, уже староват стал. Ничего, ничего, это все последствия борьбы со страшным вирусом, как его любят в России назвать, ОРЗ, так, временная потеря иммунитета, витамины нужны и спокойствие. Но покой нам только снится...

Борис проводил его в номер, обещая заглянуть минут через сорок. О'кей, о'кей, что-то уже хочется побыть одному. Эти странные перепады в настроении последнее время немного пугали Глеба, он всегда тянулся к общению, жадно впитывая каждое слово собеседника. Быто-описатель... Да, именно люди его интересовали более всего, их быт, их повседневная жизнь. Конечно, он иногда писал и политические статьи, в основном про права своих соплеменников, нарушаемых в других странах. Собственно, это был основной источник его доходов, поэтому ему приходилось переписываться с множеством людей, чтобы держать руку на пульсе умонастроений во многих странах. Но Россия, сколько её ни изучай, как о ней много ни знай, всё равно остается весьма туманной страной.

Вроде и сам в ней жил, а чуть нога за порог – и связь становится тоньше шелковой нити. Информации много, а воедино склеить не можешь. Да ладно. Сегодня поговорю с людьми, посмотрю, что за вопросы они здесь задают. Да и так ли это важно – собрать все в единую логическую цепочку? Надо прочувствовать настроения, именно так...

Часть 2

Полина сидела за своим столом и сосредоточенно подпиливала ногти. Скоро вызовет шеф, опять будет мило улыбаться и читать мораль. Что пора бы, деточка, взяться за ум, не позорить его седую голову, не шататься по всяким поэтам и пр. Как отец родной, честное слово! Вообще, какое право он имеет диктовать.

Отца у Полины, как говорится, сроду не было, мать воспитывала одна, экономя каждую копейку и стремясь дать хотя бы образование. Полина смотрела на ее потуги благосклонно, но в душе иногда жалела, что та была так непрактична. А сама-то она?

В редакцию она пришла после филфака, быстро освоилась благодаря открытому и общительному характеру. Только позже научилась быть иногда язвительной и перечить начальству. Но редактор был к ней благосклонен и многое прощал. Кроме профессиональных промахов.

Тема культуры была ей интересна, только вот сегодня что-то не клеилось. Ну ни одной мысли в голове! А надо писать рецензию на вчерашний спектакль. Довольно жёсткая пьеса, весь смысл которой сводится к тому, что наша жизнь сплошное дерьмо. Мы и так это знали, что же усугублять. Все-таки это тебе не классика. Там тоже любая фраза актуальна, а не коробит. И даже длинные фразы, выписанные правильным русским языком, слушаются на одном дыхании.

Она написала первые предложения. «Наконец-то и я выбралась на спектакль, о котором столько было криков на всех поворотах. Публики было действительно много. Да и игра актёров, в общем-то, на должном уровне. Как говорится, на аплодисменты они выходили много раз. Что же не понравилось, спросите вы? Спектакль рассчитан, как мне показалось, на молодую аудиторию. Главный герой – спившийся человек, привыкший к изысканному слогу, который не портят идиоматические выражения. Все плохо, все плохо в нашей стране, сплошной дурдом, а в дурдоме уникальные личности, не нашедшие себе должного применения в реальном мире. Помилуйте, господа, мир всегда был жесток. А реакция публики на резонерство и откровения большей частью обозначалась смехом. Но во многих случаях смеяться нельзя!».

Что-то очень пафосное получается, подумала Полина. Надо что-то такое написать, чтобы эти снобы подавились, прежде, чем успели проглотить. Потом её мысли стали двигаться в другом направлении. Сегодня вечером она должна пойти с Джеки в ресторан.

Евгений был её тридцатилетним любовником, весьма ограниченным в своих познаниях литературы, но щедро одаривший её своим вниманием. Они встречались нечасто, так как бизнес и семья поглощали почти всё его время. Встречи всегда носили строго запланированный характер.

Собственно, человек в городе он был известный, наверное, и жена все прекрасно знала. Но молчала. Полина явно выигрывала во внешности. Стройная, с длинными ярко-рыжими волосами, она сразу привлекала внимание мужчин. При этом она была умна и небрежна, могла резко оборвать на полуслове, если чувствовала, что её активно домогаются.

Джеки она терпела исключительно за то, что он практически ее содержал. Машину купил, правда, не *крутую*, ну так, хоть мать до дачи подбрасывать да по городу ездить. Правда, Джеки был очень вспыльчив и обидчив, а иногда откровенно скуп. Но и тут она научилась управлять им. Тоже сразу вставала в позу обиженной девочки, надувала губки, становилась холодной и равнодушной.

Любовь... Она запретила себе это, странно-циничный взгляд помогал ей выжить. То ли ранняя, безответная, любовь так подействовала, то ли быстрое схватывание науки ловко манипулировать мужчинами с помощью своей внешности, то ли всеобщая сексуальная революция.

В душе она оставалась идеалисткой, почти тургеневской девушкой, а в реальной жизни приходилось наступать на принципы и идти на компромиссы. Над этой довольно банальной

и типичной ситуацией треугольника Полина предпочитала не размышлять. Каждый из троих имел свой интерес, а кардинальное изменение существующего положения никому не было выгодно. И, как это ни противно было думать Полине, фраза «кто платит, тот и девушку танцует» абсолютно точно отражала действительность.

Джеки пригласил ее сегодня в ресторан, так что надо разгуляться на полную катушку. В последний раз он был какой-то странный. Бесконечно задавал вопрос, не скучно ли ей, не хочется ли чего-нибудь необычного, экстравагантного, она с перепугу подумала, что он решил проявить нетрадиционность в сексе, но нет, он что-то другое имел в виду.

Интеллектуальные разговоры с местными поэтами – хорошо, но иногда утомляет. Она и сама писала стихи, но никому их не показывала. Вернее, никому не говорила, что это её стихи. Кто-то хвалил, кто-то ругал. Романтизм души не хотел мириться с реализмом жизни и выплескивался в неумелые рифмы.

Ну вот, ногти почти в порядке, отбросила она пилку, как вдруг зазвонил телефон. Что-то рано все проснулись. Это была давняя подружка Света.

– Полинка, привет! Как дела? Слушай, что я звоню. Тут у отца товарищ приехал, вернее, не товарищ, ну, помнишь, я тебе рассказывала, культурный клуб у нас есть, сегодня лекция вечером, может, тебе интересно будет? Глеб Корнаковский, он тоже журналист. Кстати, он издательством интересуется, может, поможешь ему, у тебя ведь там связи.

– Милая, у тебя какие-то устаревшие понятия. Сейчас все деньги решают. Но, собственно, дело не в этом. Я сегодня в ресторан с Джеки иду. Он какой-то торжественный был, сказал, что сюрприз готовит. Уж не со своей ли жёнущкой решил расстаться и мне предложение сделать?

– И что, согласишься?

– Ой, мне ж всего двадцать пять, я что, ненормальная? Выслушивай потом, как он своих детишек любит, сопли его подтирай... Не, я не способна. С ним и так как на вулкане, того и гляди, с крючка сорвется.

– Отчаянная ты, Полинка, крутишь-вертишь мужиком, как хочешь, и все недовольна. Значит, не придешь? Он завтра к вам собирается.

– Пусть подкатывает. Ничего хоть товарищ-то, сколько лет?

– Сорок пять.

– Потянет.

– Ты что, с ним заигрывать собралась?

– Да нет, что ты, как ты вообще могла такое подумать! Я же отличаюсь примерным поведением и чистотой дружеских отношений. Ладно, пусть подходит, я постараюсь ему помочь.

Надо всё-таки писать эту рецензию. Стало как-то тоскливо от предстоящей встречи. Хорошо, что хоть в душу Джеки не лез. Когда она начинала делиться с ним впечатлениями от вновь прочитанной книги, он старательно отводил глаза и слушал. Скорее всего, делал вид, что слушал. Впрочем, его мало волновали ее фантазии. И это Полина хорошо понимала. Его интересовали в основном способы *деланья* денег. Бизнес его процветал, но требовал напряжения. Он обычно заказывал номер в гостинице, где его хорошо знали, и честно пытался расслабиться. Это походило на какую-то обязанность, которую он исполнял почти без вдохновения. Наверное, он ее любит, да и она к нему привязана. Но, как лейтмотив, в их встречах всегда стучит «не то, это совсем не то, это просто уступка жизни, это просто период боязни одиночества, это *принимание* жизни такой, какая она есть».

– Гудаева, к шефу! Дождалась, милая, давай, он сегодня что-то не в духе, – включился голос секретарши по внутренней связи.

– Есть! – встрепенулась Полина, взлохматила волосы и мельком посмотрелась в зеркальце.

Максим Петрович был стареющим ловеласом. Поэтому любил окружать себя хорошенькими девушками. Сегодня его уже *завёл* звонок из городской администрации. Опять пропустил статейку с некорректными намёками. Но если не зажигать публику пикантными подробностями, как же выжить. Жизнь провинциальная так скучна, что, если не радовать публику маленькими скандалами, и вовсе захиреет газета. Он очень дорожил тем, что иногда выдавался случай сказать в «Губернском слове» что-то острое и неудобное.

Приходилось лавировать между учредителями и рекламодателями, хотя... В принципе, ему это удавалось, благодаря задекларированной свободе слова. Работать по сравнению с советскими временами стало проще, с одной стороны. Но и трудней, потому что четкой линии сверху не было. Максим Петрович пытался создать иллюзию диалога с публикой, продемонстрировать широту взглядов, независимость суждений.

– Ну что, Полиночка, как у нас культура продвигается?

– Потихоньку, Максим Петрович. Что-то вдохновение не прёт.

– Надо, дорогуша, надо. Что-нибудь уж сотвори.

– Кстати, тут заезжий журналист из Тель-Авива. Может, с ним интервью какое-нибудь сотворить, как вы думаете, Максим Петрович?

– Ммм... Смотри, как бы он какое-нибудь интервью не состряпал. Опять же, вести с театральных подмостков уже мало кого привлекают. Хиреет культура...

– Ну, что Вы так пессимистично.

– Поэты местного пошиба тоже что-то молчат. Кстати, то юное дарование, вернее, не совсем юное, что он?

– Вы о Сашеньке Кочубееве?

– Ну да. Просмотрел я тут его новую поэму. Вести с полей, так сказать. Много патетики, но, наверное, можно будет разместить. Как он там?

– В запое. Но скоро выходить будет. Я ему на днях звонила, депрессия, говорит. Как написал свое бессмертное творение, так и депрессия.

– Ну-ну. Ты сильно не ёрничай, тема очень патриотичная. Русская, так сказать. Не все же о любви и цветах.

– Вы что же, славянофилом заделались? А что, крайне модно – хвалить все русское, просто вытаскивать за волосы все сколько-нибудь достойное, как Мюнхаузен.

– Нет, Полиночка, русским патриотом. Кстати, не хочешь ли развить эту тему в новейших произведениях наших авторов?

– Давайте что-нибудь одно, я не успеваю за Вашими планами.

– Ладно. Рецензию к завтрашнему дню уж состряпай. Да, и материал про толкиенистов. Что, тусовалась уже с ними, играла в их игры?

– Да было дело. Я ведь фэнтэзи постольку-поскольку интересуюсь. Чтоб беседу поддерживать. А фантастику наше поколение мало читает. Уже все написано классиками. Вымирает этот жанр, вымирает.

– Ну-ну. За что тебя люблю, Полиночка, за критический ум. Сильно не балуй с иностранцем, мало ли чего, вдруг его отслеживают.

– Ну что вы такие страшилки рассказываете. Думаете, неровный час, эмигрирую?

– Все может быть. Человек ищет где лучше.

– Мне и здесь нравится. В некотором роде.

Часть 3

Глеб взял такси и поехал в редакцию. Вчерашняя встреча прошла почти успешно. Но после нее у него было странное чувство, что его засасывает болото. Умненькие мальчики и девочки из хороших семей деловито задавали ему вопросы о подробностях репатриации, вплоть до частных и мелких, какие льготы, пошлины и т. д. Как будто они собрались туда уже завтра. Он хотел им рассказать о памятниках еврейской культуры, они согласно кивали головами, мол, знаем, все это давно известно, а вот как там происходит абсорбция? Сильны ли бюрократические традиции, так замечательно отраженные у Севелы? Много ли времени обычно требуется на изучение языка в ульпане, есть ли надежда на скорое окончание боевых действий, каковы настроения, велики ли шансы найти работу.

Практичная молодежь, думал Глеб, когда он уезжал, он просто пытался вырваться. Дело доходило до мании преследования, мама ехать отказалась, но потом все-таки приехала и осталась. По крайней мере, у него есть дом. Хотя ей всегда грустно, когда он надолго уезжает. Личная жизнь носила скорее спонтанный характер, учитывая его характер работы. Лёгкие и не очень лёгкие романы, такие обыденные, что не хотелось вспоминать.

Вопросы были спокойные, как будто на чашу весов кидались все «за» и «против». Он все пытался спросить их, как они пытаются изменить что-то в своей стране, городе, они загадочно улыбались, мол, нам понятно, к чему ты клонишь. Но нас так голыми руками не возьмешь. Мы недовольны, но не настолько, чтобы размахивать флагами и разбрасывать прокламации. Увольте, увольте... Это не было сказано, но читалось в глазах. Нет, ничем не расшевелить их. Что дала им эта демократия, ничего в стране с тех пор не изменилось. Еще один передел, еще одна революция, тихая.

В редакцию он вошел, улыбаясь и пыхтя, так как лифт, как назло, не работал.

– Мне бы Гудаеву.

– Это я. Вы, кажется, Корнаковский?

– А вы Полина? Очень рад, сударыня, – Глеб, что называется, автоматически растянул улыбку мартовского кота. Что-что, а с пол-оборота начинать лёгкий флирт он умел.

– О, у вас хорошие манеры! Что ж, я вас провожу, ознакомьтесь с расценками, уж извините, офисы у нас весьма ободренные, – что ж, подыграть ему мне совершенно нетрудно, улыбаясь еще более обаятельно, подумала Полина.

– Уже второй день передо мной оправдываются за не столичные номера, грязь на улицах и прочее. Не комплексуйте, Поленька, я все понимаю, – он оглядел небольшую комнатку, в которой местами отставали обои. Было душновато.

– Хотите кофе?

– Будьте любезны... Кстати, а чем в вашем городе можно заняться вечером? – все очень стандартно, а она довольно милая, продолжал Глеб.

– Да у нас много чем можно заняться. Вас что привлекает? Ресторанчик есть еврейский, с живой музыкой, правда, мне там не приходилось бывать. Стриптиз-бар, – она лукаво взглянула на Глеба, но он нисколько не смутился, – кинотеатры, театры, ну всё как в столицах.

– Ну, а интеллигенция ваша что посещает?

– Вы кого имеете в виду? Вот поэт у нас есть, Сашенька, он дома выпивает, нету денег на культурные развлечения. Сначала водку пил, потом пивом отходил, потом снова водку. Вдохновения, говорит, нет, вот и пью. Гонорар уж, наверное, весь пропил. Да у него спонсоры есть сердобольные. Он им рекламу иногда заблацает, слоганчик, и вот они его и балуют.

– Язвительная Вы особа, лапочка.

– Что есть, то есть, – так, уже и лапочка, валяй, валяй, мы таких видали, этим нас нисколько не удивишь, продолжала улыбаться Полина.

– Ну, а вот Вы, например, куда сегодня отправитесь? – обычный поворот разговора, подумал Глеб.

– Я? Да пока никуда не надумала. А что, есть какие-то предложения?

– Давайте прогуляемся. Вы мне покажите что-нибудь из архитектуры, может быть, познакомите с кем-нибудь из местной творческой интеллигенции? Было бы замечательно. Я в некотором роде писатель, мне интересны аборигены, так сказать.

– ...да, их обычаи, нравы, особенности национального характера, пьяные посиделки и прочая, прочая...

– Что-то в этом роде, Вы правильно подхватили мысль. Заодно и на брудершафт выпьем, – Полина тряхнула челкой, как бы возражая. – Если позволите, разумеется.

– А вы самонадеянный. Хорошо, позвоню парочке поэтов, организуем встречу.

– Какие напитки предпочитаете?

– Я за рулем. Но местным дарованиям нужно налить водку. Давайте, в шесть часов, у гостиницы, в каком номере остановились?

– Пятьсот тринадцатый. Договорились, чудная леди.

Вот оно мне надо, кокетничать, подумала Полина, когда он вышел. Видно, что довольно умен, глазки, правда, масляные такие, рот чувствительный. Собственно, все понятно, куда клонит, что ж, дополнительная тренировка в кокетстве всегда кстати. Так, с кем же его познакомиться? Она полистала записную книжку и наметила две жертвы. Набрала номер. К счастью, Лёня и Иван были в трезвом состоянии. Полемику организуем, решила она, пусть послушает. Ему, наверное, *брутальности* хочется, *вычерпывания* нашей грязи, вот этого и дадим по полной программе. А я потешусь, ничего он не знает в нашей жизни.

В шесть часов она остановила свою «Оку» около гостиницы «Центральная». Глеб переоделся в обыкновенные джинсы и пёстрый свитер. Демократично, подумала Полина, нечего официальность на себя напускать. Сама она предпочитала джинсы любой другой одежде, и сейчас на ней были расклешённые, с эффектом заношенности, тёмные джинсы и облегающая трикотажная блузка с откровенным вырезом. Вся фигура была несколько воинственной и как бы готовой к бою.

– Поленька, добрый вечер. Это Вам, – протянул он стандартный букетик полуувядших роз. Почему полуувядшие, непонятно, ну да что там... она открыла переднюю дверцу, и он плюхнулся. Машина скрипнула, как бы выказывая свое недовольство, и осела.

– М-да, нынче я не юн, и грузен, и лысина блестит...

– Да ладно. Выдержим. Предупреждаю – водки нужно много. И закуски. Отправляемся в магазин?

– Как скажете, прелестница, я полностью подчиняюсь. Как только я Вас увидел, так полностью в вашей власти, – и куда меня только несёт, язык совсем развязался, ну, да что же делать-то, слаб я на рыжих и юных, облизывая пересохшие губы, удовлетворенно подумал Глеб.

– Не торопитесь с выводами, дорогой мой. Цены у нас почти московские, имейте в виду.

– Да я уж заметил. Так недолго свой скромный капитал по ветру пустить.

– А вы думали... – Полина вела машину уверенно, подрезая машины, водители явно были недовольны, кто-то пытался гудеть в знак протеста, но, увидев рыжую бестию за рулем, прекращал.

– Вы лихачка, как я посмотрю.

– Вот и магазин.

Быстро *затарились* горячей смесью с необходимыми атрибутами. Дом, в котором уже томились Лёня и Иван, был самый обыкновенный, пятиэтажный. Леня, грузный, с кудрявой шевелюрой, радостно причмокнул толстыми губами, вынимая трофеи из спортивной сумки. Иван, худой, с измождёнными чертами лица, сросшимися черными бровями, темными, как

спелые вишни глазами, молча принимал еду и расставлял на стол. Водочка «Флагман», нарезки трех сортов, огурчики маринованные, без них никуда; Лёня прямо любовно оглаживал каждую упаковку, что не ускользнуло от взгляда Глеба.

Да, пить в России еще будут долго, если не всегда. А какой без водки разговор, уже и представить невозможно. И по-прежнему революционеры всех мастей будут кричать на всех поворотах, что правительство спаивает народ, чтобы он всем был доволен. Да и радость какая в глазах!

Как у Достоевского – попроси принести человека водки, и обыкновенное радушие переходит в радостную услужливость, так как идущий за водкой человек все равно ощущает некоторую часть вашего будущего удовлетворения. Интересно, я тоже ощущаю это будущее удовлетворение, усмехнулся про себя Глеб?

– Поля, ну ты даешь. Поля у нас молодец, – еще раз повторил Лёня, протягивая мощную ладонь Глебу, – Леонид, можно попросту Лёня, местный поэт, так сказать. Правда, по роду деятельности несколько далёк от высоких материй. М-да, профессии весьма прозаической. Вот, Поля у нас почти ангел-хранитель, оберегает от морального разложения. По убеждениям я коммунист, так сказать, традиционный. Ну, знаете, мы люди старой закалки, все вспоминаем славные застойные годы, наверное, потому, что тогда был творческий взлёт, что делать, не вписываемся мы в новые жизненные условия с нашим менталитетом. А это Иван, представитель демократизма, так сказать... Знаете, единство и борьба противоположностей. Он у нас юн и горяч, мы с его отцом начинали трудовой путь, так сказать. Вы присаживайтесь, у нас все по-простому, гостей мы видеть рады, да еще таких.

– Лёня, не грузи человека сразу. Где у тебя тут тарелки? Опять полная раковина посуды? Вот недаром тебя Вера Александровна оставила.

– Вот, в отцы ей гожусь, а она меня воспитывает. Но терплю. Без Поли как бы мы прожили... Она не забывает, публикует иногда, спонсоров ищет. Добрая девочка.

– Я вижу, что добрая, – внимательно вглядываясь в Полину, сказал Глеб. Бестия она, кого добром одарит, а кого развенчает, подумал он. Он пытался уловить внутренние связи, которые были между этой странной троицей. Иван почему-то молчал.

– Да... вот собираемся иногда, спорим за чаем о путях России, – хозяйничал между разговором Лёня.

– Понятно. Ну, давайте за встречу. Я ведь тоже когда-то был «ваш», питерский.

– За встречу, за встречу.

Полина медленно пила сок и наблюдала как бы со стороны. Ей определённо нравился Глеб. В нём чувствовалась освобождённая какая-то. Все принялись закусывать, молчание провисло естественной паузой. Только слышен был равномерный шум хрумкающих челюстей. Глеб прожевался и подлил по второй.

– Ну, хорошо. Расскажите, чем вы тут живете, нам, как говорится, *за бугром* это интересно.

– Демократия под угрозой, – вдруг сказал Иван.

– А в чём это выражается? – заинтересованно взглянул на него Глеб, – Давайте выпьем, и вы мне всё расскажете подробней.

– Вы что, думаете, у нас тут всё отлично? Пресса какая стала, почти жёлтая. Ругают, ругают, копают, копают – а потом журналистов убивают. Правда, у нас здесь довольно тихо. Не как в Москве, там похоже на американские боевики.

– Но ведь раскрывают, – нащупывал мысль Глеб.

– Это лишь вершина айсберга. Всё равно до конца мы ничего не узнаем. У нас имитация демократии. Демократия прикрыта ложью как манекенщица новой тканью.

– Дорогой мой, это всегда происходит, – Глеб закурил сигарету. Да, твоя голова здорово замусорена пропагандой, юный мальчик, продолжал наблюдать он. – А вы что предлагаете,

революцию? Нечаевщину развести, террор, прокламации? – Глеб хотел, чтобы Иван развил свою мысль.

– Нет. Революция – это никому не нужно. Разве что коммунистам, – кивнул он в сторону Лёни.

– Что же тогда?

Иван вопросительно посмотрел на Полину. Глебу показалось, что она легонько ему кивнула. Щёки его покраснели, то ли от совсем небольшой дозы выпитого, то ли от смущения. Глеб даже залюбовался его юношеским задором, когда-то и я был такой максималист, а теперь просто как провокатор, даже стыдно, притворно укорил он себя.

– Наша задача – не выбиться из колеи всемирной истории. Мы против террора, ведь есть другие, мирные пути... Мне бы не хотелось широко развивать эту тему, – будто спохватился Иван, заметив приподнятую бровь Полины.

Глеб, кажется, начинал понимать, что она имеет на Ивана какое-то влияние. Лёня задумчиво мял хлебный шарик, впадая в смутное опьянение. Иван пил совсем мало, стал каким-то вялым, вдруг неожиданно встал и попросил простить его, так как ему необходимо было отправляться домой.

Нервность какая-то в нём, боится он Полины, это точно, но ведь и влюблён, это тоже практически не требует доказательств, ах, молодость, всё более проникаясь к нему симпатией, думал Глеб. Вспомнилась ему вдруг лекция одной очень старой, интеллигентной дамы из университета, она рассуждала, в чём отличие человека, который пишет, от других представителей творческих профессий. Писатель, говорила она, должен описывать действие. Действие души, прежде всего. Мысль-то не новая, Лессингом еще высказанная. Да, и писатель должен *наблюдать* действие души, если он хочет чего-то понять в окружающем его мире. Выстроить внутренние связи, найти тайные логические цепочки.

«Кажется, я начинаю хмелеть, всегда у меня так, чуть хмель в голову, и уже пытаешься увиденное запомнить и записать... Ведь вредно это, брать реальных людей, хотя...» – мысли уже перепутывались у Глеба в голове.

– Ну, что-то Вы рано, молодой человек, только начали развивать тему, и вдруг, – Глеб был недоволен, что Леня соловел на глазах, а разговор почти не получился. – Поленька, так нечестно. Удержите Вашего юного друга, мне интересно.

– Господин Корнаковский, он вряд ли что может вам рассказать подробнее. Давайте уж на брудершафт, эй, Лёня, не спи, замерзнешь, – она сверкнула глазами и прямо посмотрела на Глеба.

– Целоваться будем? А как же правила дорожного движения?

– А я чуть-чуть. Самую ма-алость, – она, посмеиваясь, протянула ему налитую рюмку, и они, расплескивая, выпили на брудершафт.

Ваня стоял в дверях кухни. Глебу пришло в голову, что Полина тоже годится ему в дочери, она чуть старше Маши. Распустился, подумал он, расслабляясь, но женщина эта мне нравится. Ванечка, ну что ты стоишь, смотришь, как истукан, просверлил глазами он жалкую худощавую фигурку. Вот так и бывает, молодые и красивые женщины предпочитают нас, лысых и толстых, пиши, Ванечка, стихи, но пока ты встанешь на ноги, пройдет время. Жалко мне тебя, юноша, вижу, что трепещешь, а ничего поделаться не можешь, в её ты власти, вытворяет она, что ей в голову взбредёт, вот такая она...

Эх, опять я за своё, кокетка старая, думала Полина, вытирая губы после поцелуя. Пора, однако, уезжать, пока он не налакался... Он мне еще пригодится, он мне нужен для дела. А какие дела с пьяным.

Глеб смотрел на неё замасленным взглядом. Похотлив, автоматически отметила Полина, что же с вами, мужиками, делать, всё об одном. Ванечка, ну не смотри на меня так, так нужно,

она бросила умоляющий взгляд на Ивана, быстро сменившийся, однако, строгим, дополненным волной изогнутой брови.

– Ну, я вижу, все уже дошли до кондиции. Ваня, помоги мне транспортировать Глеба.

– Я с-сам, я вполне транспортабелен и управляем, Поленька, деточка моя, куда ты меня так грубо тащишь?

– Глеб, ты, кажется, выпил совсем немного.

– Я вообще много не пью. Может, водка некачественная, я читал, в России бывает водка плохая.

– А ты привык пить что? Коньяк французский?

– Т-ты так не язви, деточка моя...

– Язык заплетается. А вот у меня нет. Я ещё стихи могу декламировать.

– В-вот этого не надо, увольте, сударыня... Стихи собственного сочинения?

– Что-то вроде.

– Литература мертва, друг мой, и дата смерти её покоится в девятнадцатом веке.

– Погоди, ты ведь, кажется, тоже что-то пишешь.

– Журналистика, милая моя, это совсем другая дефиниция. Да, у меня есть новеллы, это скорее не художественная литература, некий сплав журналистики и еще чего-то... Когда-то я хотел стать писателем, настоящим, кстати, тогда это было довольно престижно, ну, быть членом союза писателей, льготы, привилегии, но дело не в этом. Я просто подумал – ведь если я писатель, я должен своего героя куда-то вести. Ну, годы были такие, как принято говорить, застойные... И вот, я подумал, и куда я его поведу – в большую задницу, что ли? Литература умерла, она перестала быть рупором общественной мысли, остается только журналистика.

– Ну, Глеб, ты меня насмешил... Я ведь тоже в некотором роде журналистка. Ты уж выражайся точнее, может, я пойму.

– Извини, милая... Конечно, это литература, очерки, ты меня осторожней тащи, у меня еще завтра встречи, – речь Глеба становилась все бессвязней.

Иван молчал, поддерживая его с другой стороны и открывая ногой двери. Машина капризно не заводилась. Чёрт, про себя ругнулась Полина, когда она садилась за руль, полностью превращалась в амазонку. Она кивнула Ивану, мол, довезу сама.

– Не грусти, Ванюша, всё будет отлично. Там помогут, да и не поздно ещё. Я тоже не предполагала, что он так быстро отключится.

...Тихо проезжали они по вдруг опустевшим улицам. Глеб как-то незаметно отключился и похрапывал. Полина нервно закурила сигарету, глядя на оползающее на сиденье тело. Внезапно перед глазами возник красный свет светофора, и она резко затормозила.

– А? Поленька? Задремал, извини... Где это мы, я что-то не узнаю.

– Всё отлично, продолжай спать, я тебя доставлю в целости и сохранности, – она улыбнулась вымученной улыбкой.

Подозрительно все это, мелькнуло в голове у Глеба, ну, да ладно... Не спецслужбы же меня хотят похитить в лице этой милой девушки. Заботливая какая... Я напился как свинья, совсем распоясался...

– Поленька, ты такая заботливая, позволь ручку облобызать... Я знаю, что ты скажешь... Напился, как свинья... с-стоп! Я хочу угостить тебя шампанским, останови, кажется, магазин.

– Может, не надо?

– Надо, чудушко мое, надо, моя душа требует шампанского... Я хочу говорить тебе комплименты и пить за твоё здоровье.

– Ладно, давай я сама куплю, а то еще в милицию заберут. Потом оправдываться, еще чего-нибудь потребуют. У нас тут строгие милиционеры, подчас не знаешь, что от них ожидать.

Пока Полина заходила в магазин, он снова задремал. Она мягко тронулась с места, и он не проснулся. Слава Богу, немного отключился. Это что-то с чем-то, ужас просто. Пусть поспит. Городской пейзаж стал сменяться редкими домами, и Полина облегчённо вздохнула. Фары нервно обшаривали пустынную дорогу, и наступило расслабление пустоты. Она стала выжимать скорость под сто, уверенно сжимая руль. Только бы не проснулся раньше времени, я уже устала болтать всякий вздор. Она словно срослась с рулём, вглядываясь в темноту. Включила радио. Обычная болтовня вперемежку с бездарными текстами. Что-то вроде «стрелы твоих бровей впиваются в мое сердце, где твои глаза обволакивают меня». Сплетни провинциального городка. Ой, насмешили, в этом году по прогнозам местных уфологов предполагается прилет инопланетян, которые уже провели разведку с помощью своих посланцев, и в этом году нужно ожидать официального контакта.

Не проскочить бы поворот, вот речушка, ага, сейчас, за деревней, мигающей радостными глазами окон, сейчас, сейчас... Неприметная дорога поворачивала направо, со всех сторон подступал лес, нехотя расступаясь перед машиной. Вот и ворота. Как можно мягче Полина затормозила.

Часть 4

– Глеб, приехали, – немного грубо, тормошила она его плечо.

– А? Где мы?

– У меня на даче. Проветришься, подышишь свежим воздухом, а завтра обратно, тут недалеко от города. Я не могла тебя возить в гостиницу, ты страшно буянил.

– Я? Страшно буянил? Извини, Поленька, я давно так не напивался. Не знаю, что со мной произошло, я, надеюсь, не сильно ругался?

– Э... да нет. Только Ванечку чуть взглядом не просверлил. Бедный Ванечка, он так смотрел нам вслед. Давай, я тебе помогу. Сейчас умоешься водой ключевой, и завтра будешь как огурчик.

– Да-да... и всё-таки, зачем ты меня сюда привезла?

– Влюбилась без памяти, знаешь, любовь с первого взгляда называется. Твои болотные глаза меня стали преследовать повсюду, словно русалки к себе зазывали, я не нашла ничего лучшего, как похитить тебя, чтобы наслаждаться любовью с тобой всю ночь.

– Ты это серьёзно? – Глеб схватил её за руку и развернул лицом к себе. В темноте её глаза были совсем темными, ничего было не понять, незаметно он ощутил восторг, поднимавшийся откуда-то снизу, мурашками передёргивая тело.

– Успокойся, я пошутила. Пошли в дом.

– Поленька, ты просто чудо.

– Я это знаю. Не отвлекайся.

Они зашли в обыкновенный дачный домик. Небольшая веранда, простой стул и четыре табуретки. В углу поблескивали ведра, запыленные чашки и стаканы толпились на столе, словно пассажиры на перроне в ожидании приближающегося поезда.

– Электричества нет... Вот досада. Только через месяц дадут. Где-то тут свечи были, погоди...

– Как романтично, ты и я, при свечах. Стой, у нас ведь есть шампанское! Ты знаешь, когда мужчина хочет выпить шампанского, это значит, он почти на грани любви! Поленька, как это странно, я встречаю тебя в этой глуши, ты совсем не приспособлена жить в провинции, ты такая...

– Какая, дорогой?

– Ты... Очаровательная, сногшибательная женщина... Я уверен, что ты талантлива во всём.

– А кто не захотел слушать мои стихи? Ай-яй-яй, – шутливо пригрозила она пальчиком, высвобождая из его пьяных объятий, одновременно соображая, куда могла запропасться свечка.

– Придётся идти за фонариком, сиди здесь, не вздумай кричать, собаку сторожа разбудишь.

– Мы что здесь, инкогнито? Ты прелестница, похитила израильского журналиста, сейчас все с ног сбились, проверяя, куда я мог исчезнуть.

– Все гораздо проще, мой друг, только суть дела я тебе объясню позже, когда ты станешь несколько более трезв.

Она вышла из дома и подошла к машине. Вынула ключ зажигания и сунула его в карман джинсов. В бардачке нашла фонарик. Собственно, можно печку растопить, правда, дым будет виден. Про сторожа она наврала, и про собаку тоже. Нужно сделать что-то, чтобы немного привести в чувство этого алкоголика. Кто знал, что он подвержен этому злу. Она вернулась в дом, светя фонариком. Глеб сидел, не шевелясь, что-то шепча губами.

– Что с тобой?

– Поленька, – прошептал он одними губами, – стой, где стоишь. Посмотри на противоположную стену.

– Ну?

– Глаза.

На стене медленно растворялось изображение двух неподвижных флуоресцентных глаз.

– Ты видишь это? – испуганно шептал он, – они исчезают...

– Ну, вижу. Исчезли ведь. Может, ведьмы прилетали, оставили на память.

– Поленька, ты что, смеешься? Что это, расскажи мне, ради всего святого, Поленька, милая, в какую историю я попал?

– Успокойся, успокойся, я тебе чуть позже все объясню. Ты, кажется, хотел шампанского, я тут свечку нашла, смотри, как все замечательно.

Она пытается меня успокоить, значит, что-то не так в этом похищении. Или всё-таки успокоиться, наслаждаться жизнью, в конце концов, может, мне просто померещилось. А она просто успокаивает меня.

– Да, давай выпьем за то, что ты такая добрая, Поленька! Я рад, что встретил тебя, такую замечательную и красивую.

– Как много лишних слов.

– Поленька, мы совсем мало знакомы. Знаешь, когда я уезжал из России... Я это сейчас, с тобой вдруг понял, как позорно я бежал... У меня есть дочь, была жена, я всё бросил и бежал. Вот я смотрю на тебя, я посмотрел на твоих друзей, они тебя любят, ты о них заботишься, и мне хочется просто стать лучше. Ведь что такое моя жизнь. Вечная дорога. Я горжусь, что я в дороге, но иногда так хочется, чтобы было что-то постоянное. Я смотрю на вашу жизнь, у вас есть какие-то корни... Наверное, очень сбивчиво... Поленька, страна, из которой я бежал десять лет назад, была сплошное дерьмо... Ой, извини, я страшно напился, корю себя за это, но не могу не пить шампанское, ведь ты рядом... Какой я стал лиричный. Поверишь ли, Поленька, с тобой я чувствую себя моложе на десять лет, как будто я тот, бывший гражданин родины, которую унизили, я смотрю на ваш город, и чувствую, что все свыклись, смирились с этой жизнью, никто не хочет перемен, все привыкли к страху.

– Это не так, милый Глеб, – вдруг засмеялась Полина, – с чего ты взял, что мы тут чего-то боимся? Это вы выходили на танки и защищали демократию. Сейчас это просто невозможно, пойми. Ваше поколение благополучно устроилось, не все, конечно, а мы, молодые, просто не помним социализма, нам уже досталась перестройка и перевернутые понятия о том, что такое хорошо и что такое плохо. Мы не пойдем разбрасывать прокламации, мы не революционеры, что ты.

– Постой... Неужели вас всё устраивает в этом порядке вещей? Читала ли ты Достоевского? Мне кажется, в России сейчас полный разброд в умах, и стоит только появиться какой-то силе...

– Наоборот, нет никакого разброда, есть оформленные цели. Мы хотим жить так, как мы этого заслуживаем, и мы будем так жить. Но не путём разрушения, отнюдь. Давай все-таки спать, я уже не хочу шампанского, я уже очень устала. Я постелю тебе внизу, а сама пойду наверх.

– Нет, Поленька, я боюсь, а вдруг эти страшные глаза, – притворяясь испуганным, заговорил Глеб.

– Ну, хорошо, я спую тебе колыбельную песенку, ты заснёшь, а я буду стеречь твой сон, чтобы никакие злые духи не могли прилететь за твоей душой. Ты доволен? – она улыбнулась одними глазами, бесовские огоньки заплясали в её глазах при неверном свете свечи.

– Поленька, и всё-таки, я не жалею, что уехал. Ты тоже должна отсюда вырваться, обязательно, обязательно, здесь все осталось по-старому, я это чувствую, все это спокойствие напускное, я чувствую...

Но она уже решительно стала его поднимать и тащить в комнату. Комната была чуть больше веранды, у стены стоял диван, покрытый пёстрым покрывалом. У окна стоял стол времен бабушкиной молодости и пара стульев. Напротив дивана стояло старое кресло, очевидно, раскладное.

– Ну, давай, потихоньку раздевайся, что ли.

– Ой, щекотно, девушка, вы меня раздеваете, а это неприлично, право же...

– Глеб, ну что ты как маленький. Я сейчас вынуждена буду тебя отшлёпать, как строгая мама.

– Давно меня не шлепала такая прелестница, – мечтательно протянул Глеб, но всё-таки начал раздеваться, – Посиди со мной, я хочу, чтобы ты меня держала за руку, слушай, как мне с тобой хорошо, хоть ты и строгая.

Полина помогла ему улечься на диван и укрыла одеялом. Потом расправила кресло, бросила простыню, сняла свитер и улеглась. Расстояние было между креслом и диваном было меньше метра. В темноте сверкнуло что-то вроде кулона на цепочке.

– Что это?

– Так, талисман. Не обращай внимания.

– Похоже на кольцо.

– Ага... Помнишь, братство кольца... Кольцо с магической силой, а я его берегу. От злых людей. Оно дает магическую силу...

– Послушай, ты все время шутишь? В чем сила талисмана?

– Он меня охраняет от грехопадений. От вторжений мужчин в мое сознание. Мужчин нужно опасаться примерно также как нашествия марсиан.

– Очевидно, ты много читаешь фантастики.

– Много. Люблю, когда предметы начинают жить своей жизнью, все таинственно и непонятно. А так-то скука ведь, сплошная обыденность и реалии.

– Ты меня пугаешь.

– А ты не пугайся. И давай спать.

– Я хочу, чтобы ты была со мной.

– Ты же пьян, как не знаю кто. Давай утром разберёмся, что к чему.

– Тогда руку мне дай.

– На. – Она протянула руку, он ее поцеловал, обхватил руками и закрыл глаза.

За окном крикнула ночная птица. Кто-то заскрёбся в углу. Наверное, мыши, подумал Глеб, пытаясь заснуть. Он не мог наброситься на женщину, если она этого явно избегала. Это было как табу, которое никогда нельзя было нарушать. Тёплая рука подрагивала в его пальцах. Давно он так не спал с женщиной платонически. Господи, она же ему в дочери годится, подумал он, уже засыпая.

...Кто-то ходил на втором этаже, передвигал стулья, скрипели половицы, слышалось сухое покашливание и тихий шёпот. Глеб открыл глаза. Её руки не было в его руках. Он повернулся к креслу и вскрикнул. Полина спала, но её тело обозначалось только прозрачным светящимся контуром. Злобно сверкало в темноте кольцо на её груди, а черты её лица светились как блики на картине. Он непроизвольно протянул руку, пытаясь погладить по щеке, и почувствовал, что его рука проваливается в пустоту. Он отдернул руку и замер в ужасе. Прислушался.

Нет, наверху все затихло, как будто и не было ничего. Задрожала левая нога, он стал осторожно спускать ноги с дивана, стараясь не разбудить Полину. Что это, что это, крутилось в голове заезженной пластинкой, надо выпить воды, может, у меня уже белая горячка началась. Вспомнился диван – то ли транслятор, то ли модулятор – и слова: «Русь – страна деревянная и нищая, а в большинстве своем живёт в избушках на курьих ножках» Нет, это, кажется, уже Достоевский, надо бы выпить воды... Он прошлёпал босыми ногами на веранду и понял, что уже раннее утро. Рассвет был малиновым, сочным, почти не натуральным. Кино какое-то, декорации, будто только что нарисованные, но все-таки страшно возвращаться назад. А может, крикнуть ей отсюда, чтобы разбудить? Если это привидение, то... И что тогда? Ч-чёрт его знает, что тогда. Все-таки вредно пить водку с шампанским. Ну и хорош я был вчера, да еще набивался в сексуальные партнёры, бедная девочка, что она подумала.

– Поленька, Полина!!! – крикнул он почти без всякой надежды.

– Что?! Ты где, что случилось? – из-за двери выглянула встрепанная голова. Не прозрачная.

– Поленька, ты... Мне тут почудилось, чёрт знает что. У тебя дом какой-то заколдованный.

– Да-да. Ещё в колодце щука говорящая сидит, и русалки в речке рядышком плещутся по ночам. А наверху домовой по ночам разгуливает.

– Точно, кто-то там ходил наверху, ты не слышала?

– Послушай, я ещё совершенно не выпалась. Еще только четыре часа утра, а ты уже подскочил.

– Давай выпьем шампанского.

– Ты невозможный человек, Глеб. Я устала.

Он судорожно схватил её за руку, нет, это живая рука, вполне материальная, тёплая. Все-таки вредно столько пить. Они стояли друг напротив друга, и она не отнимала своей руки. Глеб прерывисто задышал. Другой рукой он стал приглаживать её встрёпанные волосы, торчащие в разные стороны. Она абсолютно живая, успокаивалось колотящееся сердце, состоящая из плоти и крови, так близко стоящая от меня. И мне это радостно, почему-то радостно, словно я давно ждал её, седина в бороду, бес в ребро, и этот дом, и эта странная ночь, все так хаотично пронеслось в голове у Глеба, как какое-то предчувствие неясного открытия, которое еще только *предстоит* сделать.

– Ну что ты хочешь от меня?

– Молчи, молчи, ничего не говори... Ты так прекрасна, – кольцо злое сверкнуло.

Как будто за нами кто-то наблюдает, пронеслось параллельно в сознании, пусть наблюдают, кто бы это ни был... Службы ли, преступники, или инопланетяне с запредельной глубины глазами... Он провёл рукой по её лицу. Как странно, что в прошлый раз рука провалилась в никуда, но вот она, живая передо мной. Он медленно опустил на колени и припал к её ладони. Рука пахла хвоей, полевыми цветами и еще какой-то свежестью. Будто бы она только что вышла из лесной речки. Волосы заструились по его щекам, предсказывая невыразимое блаженство, кажется, её тело вздрогнуло от лёгкого касания. Я старый, лысый дурак, а она такая юная и свежая, как богиня... Даже страшно коснуться, чтобы не обидеть неловким движением. Только бы она молчала, ничего не говорила, сейчас ему снова показалось, что ее кожа сияет, но это от занимавшегося утра, и только, никакой мистики, вернее, сказка, дарованная неожиданно судьбой, внезапная чудесная сказка...

Солнце било в тусклые окна. Полина лежала на его руке, и он проснулся оттого, что рука затекла. Осторожно высвободившись, он присел на диване. Нет, это был не сон. Он хрустнул суставами, потянувшись. Покрутил головой. Вроде все в порядке. Так, отдаленные шумы

похмелья. Полина спала, поджав одну ногу. Пусть поспит, ласково подумал он, прикрывая её оголившееся плечо одеялом. Милое дитя, заботливая сестра.

Вышел на веранду, увидел ведро с водой, набрал полную кружку и залпом выпил. На столе сиротливо стояла пустая бутылка и два стакана. Как всё-таки это по-скотски, пить шампанское из стаканов, ну, да что теперь об этом говорить, он бодр как никогда и полон энергии. Да, на сегодня, кажется, он встречу назначал, да и ладно. Как хорошо и тихо здесь, с Поленькой, нет, сегодня не поеду обратно, надоел городской серый пейзаж. Взгляд его упал на пачку сигарет, и он тихонько вышел на крыльцо, предательски скрипнув дверью. Наконец-то он огляделся вокруг. Дачный поселок состоял из пары десятков домишек, приклеившихся к угрюмому лесу. Лес был какой-то буро-рыжий, понурившийся, только подальше виднелись зеленые верхушки. Какая-то пичужка вспорхнула с ветки и весело вскрикнула. Прекрасное утро, прекрасный воздух, захлёбывался Глеб от приступа эйфории, интересно, а что находится на втором этаже? Не наведаться ли туда, пока она спит? Но услышал её голос:

– Глеб, ты где?

– Я здесь, моя прелесть. Ты уже выпалась?

– Да, я встаю.

Она стояла уже на крыльце, одергивая майку на бретельках.

– Почитай мне стихи, я полон благолепия, как говорили в старину, и готов с вниманием все выслушать.

– Н-нет, не сейчас. А как же литература, умершая в девятнадцатом веке?

– Был нетрезв, каюсь. Как хорошо, что ты меня похитила!

– Предлагаю перекусить, у меня есть с собой кое-что, и отправиться гулять. Тут недалеко есть чудесная поляна, она на пригорке находится, я думаю, там сухо, как тебе мой план?

– Чудесно, я весь в твоей власти.

– Так уж и весь, – потрепала она его сначала по щеке, а потом хлопнула легонько по животу.

– Так ты чего-нибудь дождёшься, проказница.

– О, у нас аппетиты растут, словно хлеб на дрожжах. Это просто так, не волнуйся.

Она загремела посудой и деловито крикнула ему, чтобы он принёс воды. Она ещё не успела переварить то, что с ней произошло. После, после, принимай это просто как спонтанное движение души (или тела?), успокаивала она себя, сосредоточься, отвлекись, ну, взгляни на него при свете утра, в конце концов. Что же это я, уговариваю себя, что мне с ним было *обыкновенно*, как всегда. Да нет, это что-то другое, как будто он меня *защищает* от чего-то. А ведь он сам должен защищаться, успокойся, глупая девочка, это просто тебе показалось, это все просто весна, разгулявшийся романтизм, таянье снегов от ласковых слов, это же так банально...

Она уже командует, быстро вошла в роль, так я и сам не прочь побыть в её власти, отмечал про себя с удивлением Глеб. Колодец стоял на другом краю огорода, и он, насвистывая несложный мотивчик, отправился. Грядки были еще не перекопаны, кое-где ещё оставался снег. Вдруг он заметил свежие следы. Как следопыт, нагнулся он к отпечатку ноги, кажется, след от кроссовки, мужской. А вот ещё след. Да тут ужасно наследили этой ночью. Надо сказать осторожно, чтобы не испугать Полину. Он вернулся в дом озабоченный.

– Что-то не так?

– Поленька, там какие-то следы, кажется.

– Кажется, или следы? – она накинула куртку и пошла вслед за ним, – Действительно. Наверное, сторож ночью ходил, просто мы спали как убитые.

– Наверное. Ладно, я уже основательно проголодался.

Настроение было смято как бумажный кораблик. Глебу все стало казаться чрезвычайно подозрительным. Зачем она зовет его на какую-то поляну так настойчиво? Может, там опять какая-то ловушка и я попадусь в силки, одурманенный её сладкими речами? Так глупо! Он сосредоточенно жевал бутерброд, запивая соком. Печка растапливалась медленно. Вчера он не почувствовал холода, а сейчас ощутил его в полной мере. Это был холод страха. Доверять ей или бояться её?

– Надень куртку, еще одну. Не волнуйся, я тебе сапоги дам и носки шерстяные. У нас не Тель-Авив.

– Да, спасибо. Сейчас только замерзать начал, – он подошел к нехотя разгорающейся печке и протянул ладони. Вспомнил сцену из фильма, когда в огонь бросали кольцо. Почувствовал взгляд Полины и обернулся.

– Думаешь о кольце?

– Ты умеешь читать мысли?

– Да не дрожи ты так, я не умею читать мысли, – ему показалось, что она опять превратилась в светящийся контур, он зажмурился.

Открыл глаза, нет, все по-прежнему. Только улыбка какая-то злоедающая, слегка перекошенная. Все, это уже полный конец, больше пить не буду, завязываю.

Он вспомнил свои запои, когда поругался с матерью и снимал какую-то захудалую комнатёнку на Лиговском. Денег не хватало, но энергии было... Бегал по газетам и писал всякую ерунду, лишь бы заработать. Бесконечные посиделки, обсуждения роли журналиста во вновь нарождающемся обществе, надвигающаяся неясная почти революция, надвигающийся новый год, ночные лихорадочные муки творчества, и тут одна пьянка его подкосила. Он встал утром и понял, что, если не опохмелится, точно не выживет. Посчитал мелочь в кошельке. Хватит разве что на портвейн. Тоже дело.

Кто-то заходил, иногда с пивом, озабоченно смотрели на его распахнутую рубашку, сочувственно давали какие-то советы, говорили, чтобы звонил, если что. И уходили. Некоторые навсегда. Он до сих пор вспоминает это как страшный сон. Потом примчалась мама, бросилась ему со слезами на шею, всхлипывая, начала убирать пустые бутылки и окурки, умоляла простить ее и вернуться. А почему ссорились, не помнит уже. Так и с женой Светой расстался, не помнит, что было, когда...

Мама его тогда из запоя вытащила. Подняла все связи, уложила в больницу, капали растворы и гемодез, чистили кровушку. Ему всего двадцать два было, все удивлялись. После этого он со Светой и познакомился, хмурый был, непьющий. На вечеринки перестал ходить, углубился в учебу.

Ехал в трамвае и, не думая ни о чём совершенно, пошел за ней до самого дома. Она остановилась и испуганно посмотрела на него своими большими глазами. Он тоже остановился. И наконец-то взглянул на нее. «Вы за мной идёте, молодой человек?» – спросила она дрожащим голосом. «Н-нет... Извините, я вас, кажется, напугал... Я не хотел, честное слово...». «Простите, я сама себе страху нагнала», – она миролюбиво улыбнулась, все еще нервно теребя длинную чёрную косу.

Глаза ее были такими беззащитными. «Нет, Вы меня извините», – Глеб тогда был очень робок с девушками, опыта почти не имел никакого, так несколько случайных встреч, почти на спор. «Ну, я пойду, уже поздно...». «Извините, а как Вас зовут? Можем ли мы завтра встретиться?» – он сам удивился своей нахальности.

Так и началось. Быстро закрутился роман, мама только вздохнула облегчённо, Света ей определённо нравилась. Она надеялась, что ее неуклюжий Глебушка будет у нее как у несущки под крылом. Правда, у Светы были планы поступать в аспирантуру, а она еще была только

на четвертом курсе политеха, девочка была умная, честолюбивая. В насадки она явно не годилась, просто искусно имитировала.

Родилась Машка, её быстро *сдали* бабушкам, Глеб уже работал в редакции одного журнала, сотрудничал с парой газет, стучал ночами на машинке, Машку видел урывками, по воскресеньям, Света тоже всё время пропадала по каким-то *делам*. Так лет пять и помаялись, пелёнки-распашонки ушли в прошлое, а в отношениях явственно выползла ухмыляющаяся пустота. Интересы стали полностью не совпадать, Света делала карьеру, становилась резкой, отрывисто издавала команды и запиралась в комнате – работать над диссертацией... Сейчас Глеб понимал, что в отношениях всегда должна быть минута, момент озарения, когда отчётливо понимаешь, что это тот человек, который тебе именно нужен. Если кажется, что этот момент вот-вот наступит, просто ты еще не совсем понял, значит, он не наступит никогда. Быт и трудности растягивают процесс понимания во времени, вводят в состояние сна, делают очертания реальных отношений расплывчатыми. И тем больше усилий требуется, чтобы выйти из этого оцепенения.

...Уютное тепло стало разливаться по телу. Отключившись мыслями в прошлое, Глеб не заметил, что простоял перед открытой створкой минут пятнадцать. Полина тихо убирала посуду, не мешая ему вопросами. Все-таки хорошо, когда женщина умеет молчать. Золотое, нет, платиновое качество. Вот этого-то ему всегда в женщинах не хватало. Он любил много и умно поговорить, но минуты внутреннего сосредоточения – это улавливает не каждая женщина. Странно, что в Полине это есть. Все очень странно.

– Поленька, извини, я задумался. Давай свои носки и сапоги, пошли гулять и дышать свежим воздухом, – он подошел и тихо чмокнул её в щеку.

– Пошли, – облегчённо вздохнула она.

Тропинка извивалась змейей, хрустел снег, попадались и чавкающие лужи, отогретые весенним солнцем. Когда тропинка пошла в гору, Глеб пошел впереди, стараясь помочь Полине. Наконец они выбрались на открытую поляну, покрытую грязным, смешанным с глиной, снегом. Что-то настораживающее было в этом месиве. Вот что настораживает, вдруг подумал Глеб, нет первозданности, как будто тут уже проходили толпы людей, а откуда тут толпы людей, спрашивается, вообще, не много ли неявного народу наблюдается вокруг наших скромных персон? Не иначе как службы за мной охотятся.

Тогда, десять лет назад, он только боялся слежки, только выслушивал не намеки даже – полунамек. Ему показалось, что на другом конце поляны что-то шевельнулось за деревьями. Он вздрогнул. Полина был спокойна. Не нравится мне это спокойствие. Каркнула предупреждающе ворона.

– Слушай, Глеб, я что-то замерзла, ты отойди на полянку, а я тут в кустики зайду. Уж извини...

– Да всё нормально, – он отвернулся и зашагал по поляне. Солнце слепило в глаза, опять же недобро.

Что ты все предчувствиями себя мучаешь, что случится, то случится, мнительный какой, уговаривал он сам себя. Вдруг он почувствовал, что точка, на которой он находится, опустилась ниже остальных. Он еще ничего не успел понять, как поверхность под ногами стала плавно выгибаться полусферой, неумолимо увлекая его вглубь. Ноги как будто приросли к земле. Язык как будто пристыл к небу, одеревенел. Он крикнул: «Полина!», но услышал только сдавленный шепот, заглушаемый шумом крыльев неизвестно откуда взявшейся уже целой стаи ворон, точно зонтик, раскрывшийся над его головой. Он плавно опускался ниже и ниже, вся поляна превратилась в прогибающийся как бы резиновый круг, по краям стояли невозмутимые сосны, в животе предательски заурчало, Глеб ощутил, как отсчитываются последние секунды его жизни. Вдруг его резко качнуло, и он упал. Поверхность земли поворачивало, и он пытался зацепиться руками за землю. Краем глаза он наблюдал, как уходит голубая полусфера неба,

прощально сверкнувшая синевой, («цвет небесный, синий цвет», вспомнилось ему *никитинское*), закрываемая бурой массой, которая начала скатываться куда-то вниз. Он закрыл глаза. Ощутил вкус солоноватой земли, перемешанной с глиной.

Сейчас он полетит туда же, в полную неизвестность, в пустоту, в тартарары. Прощайте все, кто меня любил и любит... Руки последний раз пытались найти соломинку, за которую можно было бы схватиться, но нащупали только комок болотистой жижи, с которой и полетели вниз...

Часть 5

Глеб проснулся от жажды, раздирающей горло. Огляделся. Какая-то почти не освещённая комната. Без окон, без дверей, хмыкнул он. И что дальше, господа? Ничего. Кричать, искать выход?

Просто замкнутое пространство, и какой-то странный закруглённый потолок. Свет идёт от стен, они мерцают неровным сиянием. Спокойно, жив, и прекрасно. В чем бы то ни было плену я ни нахожусь, все когда-нибудь прояснится. Главное, что он *им* зачем-то нужен. Непонятна роль Полины во всей этой инсценировке с захватом и стремительным падением вниз. Уж не инопланетяне меня захватили? А Полина их тайный агент... Или террористы, гэбисты, другие «исты», вот здорово-то! Он стал мысленно прокручивать вчерашний вечер. Вчерашний? А сколько прошло времени? Усыпили, наверное, чем-то, хотя голова довольно бодрая. Ну, господин Корнаковский, замечательное время поразмышлять в гордом одиночестве, а то все на людях да на людях...

О чём они говорили всё это время? Кажется, о политике. Он очень смутно припоминал ночь, странно, что они об этом разговаривали после любовных ласк. Глеб все время пытался доказать ей, что демократия лишь фикция. Посмотри, говорил он, вам заморочили голову материальными благами, которые вы якобы получите, а на самом деле отвлекают от борьбы.

От борьбы, вскидывала удивлённо бровь Полина, ты что, призываешь к революции? Дорогая моя, революция уже давно совершилась, она просто вылилась в передел под видом защиты демократии. У России по определению нет будущего, пытался доказать он, нужно обязательно уезжать, хотя бы и наступив на свои патриотические чувства, скоро здесь станет страшней, чем в семнадцатом году.

Погоди, смеялась она, а как же дело революции? Пойми, ты много упустил за эти десять лет отсутствия в России, мы другое поколение, мы наметили себе цели, и мы этого добьемся. Что плохого в том, что некая часть молодежи, не принадлежа ни к каким организациям, просто не хочет искать врага внутри страны? Да, есть такие, что вступают в экстремистские организации, но они просто ещё не прозрели.

Да их не так уж и мало, оглянись вокруг, ты что, живешь с закрытыми глазами, горячился Глеб. Я-то знаю, что такое погромы, я об этом пишу, я... Милый мой, власти ведь всё это контролируют, поверь, и я тоже не новичок в журналистике, и знаю, что есть особые технологии управления общественным сознанием. Что толку от оголтелой революционности, вспомни историю, массы жили плохо, а интеллигенция выражала их чаяния. Переливание из пустого в порожнее, слезки, убийства, террор, и в итоге всё оказывалось либо просто игрой в солдатики, либо кровавой бойней с переделом.

А итог – всё тот же – массы живут плохо, а интеллигенция рассуждает на кухнях, что хорошо бы переделать этот мир, только силёнок маловато. Или еще, в застойные годы как прекрасна была игра в гэбистов, стерегущих за каждым углом и отслеживающих каждое сборище. Это уже смешно, Глеб, это навязло в зубах. Ты сбежал из страны, и много ли ты счастья приобрел в своем Тель-Авиве? Ты будешь смеяться, сейчас вспомнила, у одной нашей неудобной властям писательницы, всех героев, которые ей надоели, она отправляет в Страну Обетованную. Может, ты тоже был героем какого-то романа и надоел автору?

Сейчас, припоминая эти разговоры, Глеб жалел об утраченном времени, и зачем он так распалился, в конце концов, это просто грубо – грузить женщину политикой. Но это не самая обычная женщина, и с ней можно говорить обо всём, странное ощущение взаимопроникновения и понимания не покидало его, может, это их общая профессия так повлияла.

...На стене, на которую невольно смотрел Глеб, что-то изменилось. Он мгновенно напрягся. Постепенно, как на фотографии при печати, стали проявляться глаза. Такие же,

какие он видел в домике на даче. Да не страшные они вовсе, пытался он себя взбодрить, совсем не страшные.

– Добрый день! – металлически прозвучал со всех сторон голос.

– М-да... Я не могу точно быть уверен, что это день, приветствую вас, кто бы вы ни были.

– Вы правильно подумали, что мы совсем не страшные, – металлический голос раскати-сто засмеялся, повторяемый со всех сторон динамиками, точно, динамиками, догадался Глеб.

– Чем обязан такому вниманию к своей скромной персоне?

– Вы еще не совсем оправились от шока. Думаю, чуть позже вам станет всё понятно. Просто я хочу сказать вам, что вы в абсолютной безопасности, с вами ничего плохого не случится. Поверьте, нам не нужен испуганный кролик. Нам нужен здравый рассудок.

– Ну да, я спокоен, как удав перед обработкой кролика. Кто вы?

– Скажем так, некая организация... Больше пока сказать не могу.

– А где Полина, с ней все в порядке?

– Разумеется, – короткий смешок, и как будто подмигивание глазом. Или Глебу просто показалось.

– Через некоторое время вас проводят на небольшую экскурсию, – глаза исчезли очень быстро.

Через минуту Глеб увидел проявляющийся контур двери. Нарисованный, как будто нарисованный, автоматически отмечал Глеб. Бесшумное плавное движение, и на пороге появился робот. Он быстро приблизился к нему. Ну вот, роботы еще, давайте еще сюда звездолеты с рычагами, какие встречаются у некоторых горе-«фантастов», чего-нибудь мистического, или исторического, колдунов, прочую дрянь... Он не успел до конца развить эту мысль, как почувствовал движение пола вокруг себя. Опять я куда-то падаю. Успел только взглянуть наверх. Потолок стремительно удалялся.

– Минус второй этаж, господин Корнаковский.

– А конечный пункт – минус бесконечность?

– Извините, я не могу полностью расшифровать ваш юмор.

– Тем не менее, ты понял, что это юмор. Тоже хорошо.

– Я вам должен показать и разъяснить, как устроено наше здание. Оно находится под землей, как вы поняли. Есть разные пути, чтобы в него попасть, один из них вы испытали на себе. Это прогибающаяся полусфера поляны, которая затем переворачивается, соответственно, и вы вместе с ней.

– Довольно варварский способ, ты не находишь?

– Он не лишен логики. Вы не успеваете испугаться.

– Точно. Просто за одну секунду попрощался с жизнью, и всё.

– Минус третий этаж. У нас много роботов.

– И все они такие же милые, как ты?

– Очевидно, вы любите шутить.

– И кто же вами управляет, всем этим подземным царством?

– Люди. Роботы всегда служили людям.

– Знаем, знаем, читали. И чем же это ваше подземелье занимается?

– У нас есть лаборатории, комнаты для отдыха, плантации... Это практически автономный город.

– Любопытно. И никто про этот город ничего не знает. Почему же Полина сразу мне про него не рассказала?

– Наверное, не было соответствующей инструкции.

– Так вы тут все по инструкциям живете? Оргнунг-оргнунг...

– Если вы имели в виду немецкое слово в прямом его значении, то я вас понял.

– Я имею в виду, что ваша организация имеет довольно чёткую структуру. Только не слышал я, чтоб в советских организациях использовали бы роботов. Разве что у Стругацких где-то читал.

– Минус четвертый этаж.

– Ты что, издеваешься? Давай к вашему главному, я хочу знать, чего от меня-то, грешного, хотят. На самом деле я изрядно проголодался, неплохо было бы подкрепиться.

– На минус пятом этаже у нас прекрасная столовая.

– И как он определяет, ведь нигде ни индикаторов, ничего. Как будто все время был в одной и той же комнате, только падал и падал вниз. Теперь дверной проем вырисовался на противоположной стене. Глеб с некоторой опаской шагнул за роботом и очутился в просторной зале. Вместо окон он заметил их имитацию. Нестерпимо захотелось выглянуть.

– Можете выглянуть, если вам так хочется. Только имейте в виду, выпрыгивать в окно не стоит.

– Это что, тюрьма?

– Нет. Это правила безопасности и герметичности.

Еда оказалась достаточно обычной. Салат из кальмаров, зелень, мясное рагу и что-то непонятно-фруктовое и напитки. Глеб с удовольствием поел, неожиданно ощутив зверский аппетит. И что дальше, откормили и на вертел?

– И что дальше? – спросил он у робота, ему-то точно было это глубоко фиолетово, а вдруг еда лишь имитация продуктов, как-то быстро промелькнула мыслишка в голове.

– С вами побеседуют.

Похоже, добиться от него чего-то, более вразумительного, не удастся. Робот он и есть робот. Впрочем, на службе все мы роботы, выполняем команды, чем меньше размышляешь, тем меньше вероятность совершить ошибку... Импровизированный лифт опускался вниз, а робот бездумно повторял «минус шестой... минус десятый...». Так и в ад спустишься незаметно, хмыкнул про себя Глеб, ладно, посмотрим.

– Минус девяносто девятый, – дверной проём овальной формы раскрылся двумя лепестками. Примерно такая же комната, в которой он очутился после своего внезапного падения. Полная пустота. Посередине чуть освещаемый круг, теперь пол, наоборот, начал подниматься, и словно из воздуха стали обрисовываться очертания стула. Точно, камера пыток, сейчас посадят на стул и начнут пытать, с какой целью забросили в Россию. Как из сна десятилетней давности. Вот так он просыпался в холодном поту и осматривал свои руки, быстро шел на кухню, заваривал крепкий чай, курил одну сигарету за другой и вздрагивал всем телом от шорохов в ленинградской ночи. Выглянув в двор-колодец, искал всматривающимися глазами фигуры, в соответствии с принятым стандартом, в серых плащах... Он присел на стул. Да нет, вполне материальный.

– Приветствую вас, господин Корнаковский, – вспыхнувшие глаза на стене, быстро меняющие цвета, ослепили его. Он заслонился рукой.

– Извините, это минус девяносто девятый, или исходная точка?

– Минус девяносто девятый. Я понимаю, что, возможно, мы были не совсем правы... Кстати, Полина вам чуть позже подробно объяснит. Мы организация, совершенно не политическая, мы вообще анти-политическая организация.

– К анархии призываете?

– Не перебивайте. Наша организация абсолютно добровольная и дающая некоторые преимущества перед другими людьми. Но это не власть над людьми, не манипулирование, исключительно использование возможностей наших ресурсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.